

ФЕОФАН ПРОКОПОВИЧ
(1681–1736)

За Могилою Рябою

За Могилою Рябою.
над рѣкою Прутовою
было войско в страшном бою.
В день недѣльный ополудны
стался нам час велми трудный,
пришел турчин многолюдный.
Пошли навстрѣчь козацкия,
пошли полки волоския,
пошли загоны донския.
Легкий воин дѣлав много,
да что был числа малого,
не отнял мѣста лихаго.
Поял то был город близкий,
врагом добрый, бо был niskий,
дал бы на вас пострѣл рѣский.
Пришли на Прут коломутный,
тут же то был бой округный,
тут же то был нам час смутный.
Стали рядом уступати,
иншаго мѣста искати,
а не всеу пропадати.
Скоро померк день недѣльный,
ажно российския силы
на отворот заgrimѣли.
Страшно грѣмят и облаки,
да страшный там Марс жестокий
grimѣл на весь пляц широкий.
Зоря з моря выходила,
ажно поганская сила
в тыль обозу зашумѣла.
Всю ночь стуки, всю ночь крики,
всю ночь огонь превеликий:
во всю ночь там Марс шел дикий.
А скоро ночь уступила,
болшая злость наступила,
вся армата заgrimѣла.
Не малый час там стреляно,
аж не скоро заказано,
«На мир, на мир!» — закричано,
Не судил бог христианства
освободить от поганства,
еще не дал збить поганства.
Магомете, Христов враже,
да что далший час покаже,
кто от чиих рук поляже.

Плачет пастушок в долгом ненастье

Коли дождусь я весела ведра
и дней красных,
Коли явится милость прещедра
небес ясных?
Ни с каких сторон свѣта не видно, —
все ненастье.
Нѣт и надежды. О многобѣдно
мое щастье!
Хотя ж малую явит отраду
и поманит,
И будто нѣчто полготить стаду,
да обманит.
Дрожу под дубом; а крайним голодом
овцы тают
И уже весьма мокротным хладом
исчезают.
Прошел день пятый, а вод дождевных
нѣт отмѣны.
Нѣт же и конца воплей плачевных
и кручины.
Потщися, боже, нас свободити
от печали,
Наши нас дѣды к тебѣ вопити
научали.

<1730>